

А. Г. Минченков

ЛАКУНЫ НОМИНАЦИИ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Цель данной статьи состоит в том, чтобы, выйдя за рамки чисто лингвистической и сопоставительной парадигмы, рассмотреть лакуны в более широком когнитивно-психолингвистическом русле, ввести новое понятие «лакуна номинации», обсудить связанные с ним вопросы и проблемы и проанализировать факторы, позволяющие преодолевать лакуны номинации в процессе перевода.

Феномен лакун изучается в отечественной лингвистике и психолингвистике уже более тридцати лет, и на данный момент существует достаточно большое количество работ, авторы которых в той или иной степени касаются проблем лакун как фактора межкультурной коммуникации и связанных с ними смысловых потерь и искажений, а также возможностей и способов элиминирования или заполнения лакун.

Учеными были предложены различные определения понятия «лакуна» и достаточно подробные классификации лакун. Ю. С. Степанов, а вслед за ним Ю. А. Сорокин и И. Ю. Марковина определяют лакуны как «словарные пробелы», «белые пятна» на семантической карте языка» [1, с. 120; 2, с. 23]. Л. С. Бархударов считает лакуны разновидностью безэквивалентной лексики и определяет их как единицы словарного состава одного из языков, «которым по каким-то причинам нет соответствия в виде слов или устойчивых словосочетаний другого языка» [3, с. 93]. Что касается классификации лакун, то часто можно встретить деление на абсолютные и относительные лакуны. К первым относят единицы, чьи «эквиваленты в другом языке не могут быть переданы при помощи одного слова, а лишь при помощи словосочетания» [4, с. 31], или «то, что в одних языках и культурах обозначается как „отдельности“, а в других не сигнализируется, то есть не находит общественно закрепленного выражения» [5, с. 136]. В число относительных лакун обычно входят случаи, когда слова, приводимые словарем как соответствия, могут неодинаково, а то и противоположно восприниматься носителями двух языков или же сильно различаться по частотности употребления (обувь — *footwear*) [1, с. 121]. Кроме указанного деления существуют другие классификации лакун, например: языковые, речевые и культурологические; лексические, грамматические и стилистические и др. [2, с. 25–31].

Что касается способов элиминирования лакун, то с точки зрения процесса перевода наибольший интерес представляет элиминирование лакун в тексте. Здесь обычно предлагаются два основных способа — заполнение лакун и компенсация. Заполнение лакун предполагает использование известных переводческих приемов — транскрипции и транслитерации, часто в сочетании с описанием смысла, комментарием или примечанием («Нуси-Бе, что в переводе с малазийского означает “большой остров”») [2, с. 91], или же более экзотический, на наш взгляд, способ — использование в переводном тексте иноязычного слова в оригинальном написании, также с описанием его смысла [2, с. 91–92].

Компенсация включает в себя использование функциональных аналогов, в том числе в сочетании с приемом генерализации («дерево, как наша черемуха»), одну

генерализацию (“the *Gin game*” переводится как «игра в карты»), а также различного рода прагматические замены, цель которых — сохранение коннотативных и ассоциативных компонентов значения исходного слова [2, с. 96–99].

Анализ работ, посвященных исследуемой теме, позволяет отметить ряд особенностей и закономерностей представления проблематики, связанной с лакунами. Во-первых, лакуны изучаются исключительно в сопоставительном аспекте. Принципиальным положением оказывается утверждение о том, что «лакуны незаметны изнутри, при рассмотрении одного языка, текста или культуры, но выявляются при их сопоставлении» [2, с. 4]. Во-вторых, как следствие, при определении лакун и описании способов их элиминирования широко используется терминология лингвистической теории перевода и сопоставительной лингвистики: такие термины, как соответствие, эквивалент, безэквивалентная лексика, различные виды переводческих трансформаций. В-третьих, при определении лакуны или ее разновидности, в частности в приведенных ранее определениях В. Л. Муравьева и Л. С. Бархударова, а также при обсуждении проблемы лакунарности в целом, нередко наблюдается явная терминологическая путаница, если не сказать курьез. Лакуна почему-то выделяется в исходном языке или тексте как единица этого языка или текста, не имеющая эквивалента в другом языке. В то время как на самом деле в исходном языке никакого пробела с точки зрения возможности вербализации некоего смысла отдельным словом как раз нет, этот пробел наблюдается в другом языке, т. е. лакуна выделяется именно в нем. Другими словами, говорить о *переводе лакун* так же, как мы говорим о переводе безэквивалентной лексики, терминологически неверно. Наконец, в-четвертых, анализ литературы по обсуждаемой теме показывает, что, говоря о проблеме лакун и способах их элиминирования, авторы, в первую очередь, касаются той части лексических систем языков, которая по-другому определяется как реалии, или культурно-специфическая лексика, или безэквивалентная лексика.

Хотя все перечисленные особенности очевидно взаимосвязаны, основная проблема, как нам кажется, проистекает главным образом из последнего обстоятельства. Нужно сказать, что как таковая проблема перевода реалий или так называемой безэквивалентной лексики подробно рассмотрена в переводоведческой литературе и вполне успешно решена в русле лингвистической теории перевода, где, как уже указывалось выше, накоплен большой арсенал приемов и трансформаций, позволяющих при наличии соответствующих навыков успешно переводить указанные лексические единицы. Более того, многие из единиц такого рода уже были переведены ранее, и их переводы включены в словари, так что переводчику нередко требуются лишь навык работы со словарем или просто знания устоявшихся межъязыковых соответствий.

Проблема заключается в том, что, принимая фактически за аксиому положение о том, что *большинство* единиц каждого языка имеет эквиваленты в любом другом языке и что полная эквивалентность вообще возможна, теоретики перевода и авторы исследований по проблеме лакунарности, очевидно, исходят из того, что лакуны, как и реалии и безэквивалентная лексика, представляют собой сравнительно небольшие группы лексических единиц. В этой связи вряд ли стоит удивляться, например, тому, что Л. С. Бархударов считает лакуны «случайными» [3, с. 93]. Между тем практика выполнения переводов и преподавания перевода показывает, что переводчик сталкивается с лакунами, т. е. с фактическим отсутствием в языке перевода отдельных слов, которые можно было бы использовать в качестве соответствий тем или иным словам исходного текста, гораздо чаще, чем хотелось бы ему или сторонникам тезиса о наличии большого количества

межъязыковых универсалий [6, с. 23]. Другими словами, лакуны многочисленны, гораздо более многочисленны, чем предусматривает и описывает лингвистическая теория перевода. Следовательно, проблема перевода большого количества слов оказывается, в сущности, нерешенной в теоретическом, а во многом и в практическом плане. Более того, при более углубленном изучении оказывается, что решение проблемы лакунарности влечет за собой решение применительно к переводу целого ряда серьезных лингвофилософских проблем, которые мало рассматривались или совсем не затрагивались в лингвистической теории перевода.

Прежде чем рассматривать возможные пути решения проблемы лакун в обозначенном направлении, очевидно, следует определиться с самим термином «лакуна», для чего необходимо коротко остановиться на причинах появления лакун.

По мнению многих ученых (А. А. Леонтьев, Дж. Лакофф, Ж. Пиаже, О. А. Корнилов, Р. Джакендофф и др.), изначальным источником мышления является не язык, а чувственный опыт познания окружающего мира. При этом, хотя реальный мир накладывает определенные ограничения на то, что может быть представлено в мысли, и на способ представления, ментальные репрезентации мира — это не простые сенсорные отражения его, поскольку они трансформируются познающим субъектом [7]; так что мышление представляет собой не прямое, а сложно опосредованное отражение действительности [8, с. 79].

Результатом взаимодействия человеческого сознания с окружающим миром оказываются три основных вида дискретных единиц мышления, различающихся по степени обобщенности — сознательный образ, представление и понятие. А. А. Леонтьев дает достаточно подробное описание генезиса представлений и понятий у первобытного человека, наглядно иллюстрирующее различия между ними. Представление изначально связано с синпрактическим, т. е. «неразрывным с практикой», этапом в развитии мышления. Оно обобщает, «связывает в узел» индивидуальные образы первобытного человека [9, с. 120]. Переход от представления к понятию — это переход от синпрактического к силлогистическому мышлению, первым условием которого является неизмеримо возрастающая роль общественной жизни. Понятие представляет собой итог познания предмета или явления [9, с. 121]. Между представлением и понятием существуют три основных отличия. Во-первых, представление индивидуально, а понятие социально, т. е. принадлежит всем членам конкретного социума. Во-вторых, понятие отражает наиболее общие, существенные признаки предмета или явления. И, наконец, в силу своей индивидуальности, представление несообщаемо, т. е. не связано с языковым знаком, в то время как имеющее общественный характер понятие связано со словом.

В концепции Г. Гийома язык представляет собой совокупность средств, которые мышление систематизировало и сформировало, чтобы обеспечить себе постоянную способность быстрого «перехвата» того, что в нем разворачивается [10, с. 54]. Воспринятая информация об окружающей действительности по-разному воспроизводится каждым из национальных языков, что отражает различия в понятийных системах. Будучи воспроизведенной и зафиксированной в языке, определенная система понятий становится социально наследуемой всеми последующими поколениями людей, говорящих на нем [11, с. 120]. В результате постоянного речевого взаимодействия членов одного языкового коллектива происходит дальнейшее обобщение их индивидуальных представлений, и вырабатываются новые понятия, закрепляемые в виде слов. Наличие в языке слова свидетельствует о существовании у носителей этого языка соответствующего понятия.

Однако не все чувственные образы и представления, присутствующие в сознании отдельных носителей определенного языка, обобщаются до уровня понятий, и, более того, очевидно даже не весь чувственный опыт структурируется и категоризируется мышлением в виде дискретных единиц. Другими словами, целый ряд фрагментов чувственного опыта, а также дискретных единиц мышления не объективирован языком в виде слов. Причем в силу различий, существующих между представителями разных народов в повседневном опыте, степени релевантности тех или иных фрагментов окружающего мира и избираемых способов отражения последнего, у этих народов формируются разные понятийные системы, а их языки, по выражению В. Бенъямина, отличаются разными модусами (способами) существования смысла [12, р. 75].

Таким образом, источником лакуны как пробела в языковой системе обозначений является отсутствие у носителей соответствующего языка обобщенного на уровне всего социума понятия об определенном фрагменте окружающего мира. Таким образом, очевидно, что лакуна может осознаваться как таковая не только при сопоставлении языков и культур, т. е. не только тогда, когда при переводе или просто осмыслении слова другого языка у человека в сознании формируется некий новый для него смысл (как ментальная репрезентация не осмысленного ранее фрагмента действительности), который, как он понимает, не может быть вербализован словом на его собственном языке, но и при коммуникации исключительно в рамках собственного языка. Лакуна может осознаваться, когда человек пытается вербализовать на родном языке привычный и давно сформированный на основе регулярных наблюдений за тем или иным явлением или сущностью смысл и не может это сделать в силу отсутствия отдельного слова, способного его номинировать.

Последнее, однако, означает, что, даже тогда, когда в силу отсутствия понятия в языке нет слова, способного номинировать тот или иной смысл, этот смысл может присутствовать в сознании в виде субъективного представления или образа, что имеет большое значение с точки зрения принципиальной возможности преодоления лакун в переводе. Сталкиваясь со словом неродного языка, которое формирует в сознании смысл, не согласуемый ни с одним известным понятием, а значит, не может быть переведено ни одним словом родного языка, переводчик может, опираясь на свой предыдущий опыт восприятия мира, понять этот смысл на уровне субъективного представления или образа и осуществлять с ним ментальные операции.

С целью разграничения нового термина «лакуна номинации» от распространенного более узкого понимания термина «лакуна» предлагается подчеркнуть три важных факта: 1) лакуна может осознаваться вне сопоставления языков, в рамках одноязычной коммуникации, и вообще обнаруживается в самом отдельно взятом языке безотносительно того, с каким другим языком мы будем его сравнивать; 2) лакуны многочисленны и могут встречаться в совершенно различных семантических областях; 3) наличие лакуны означает, не то, что у носителей языка нет представления о некоем фрагменте опыта или оно не может быть при необходимости сформировано, а лишь то, что этот фрагмент опыта в силу различных причин не номинирован словом. Лакуна номинации определяется как *пробел в системе обозначений, выражающийся в отсутствии в языке отдельного слова для номинации того или иного смысла*. Еще раз подчеркнем, что этот смысл может быть привычным, давно сложившимся, а может формироваться впервые при соприкосновении с другой понятийной системой, в том числе при переводе.

Для того чтобы выработать теоретические основы решения переводческих проблем, возникающих из-за наличия лакун в языке перевода, необходимо заново осмыслить ход

переводческого процесса и попутно избавиться от некоторых стереотипных представлений.

Прежде всего, как нам кажется, важно отдавать себе отчет в том, что, какую бы пару языков мы ни взяли, подлинных эквивалентов в этих двух языках относительно общего числа слов, входящих в них, окажется мало или крайне мало. А как раз лакун относительно другого языка в каждом из них будет много. Однако, как ни странно это прозвучит, для перевода, в отличие от сопоставительного анализа, выявление степени эквивалентности взятых вне контекста лексических единиц двух языковых систем не так уж актуально. Поскольку вопреки достаточно распространенному в теории перевода и культурологической лингвистике мнению лексическая единица при употреблении в речи не несет с собой весь объем своего значения, включая фреймовые структуры знаний. Она актуализирует вполне конкретный релевантный для данного контекста смысл, который в плане концепта, его формирующего, нередко, как нами было показано на разных примерах, сильно отличается от значения этой единицы [13, с. 40, 123]. И эта особенность поведения лексических единиц в речи составляет один из нескольких основных факторов, делающих возможным решение проблемы лакун. То, что слово одного языка не имеет регулярного, подходящего для многих контекстов соответствия в другом языке или вообще не имеет соответствия в этом последнем, не означает, как показывает практика перевода, что оно непереводаемо. Поскольку в каждом конкретном контексте многие смыслы, составляющие его значение, а также часто связанные с ним в рамках его родной концептосферы культурно-специфичные структуры знаний, могут оказываться не актуальными, актуализироваться может только один конкретный квант смысла, в том числе такой, который даже не входит в привычную для нас структуру значения этого слова. Таким образом, используя известное выражение У.Эко [14, р. 23], можно сказать, что видимое нами слово — это нередко своего рода «оптический обман». Важно не само слово во всей полноте своего значения, а лишь смысл, который оно актуализирует в окружении других слов в данной ситуации. А этот смысл порой может быть вполне успешно вербализован на языке перевода, несмотря на то что слово иностранного языка традиционно относится к непереводаемым или труднопереводимым относительно другого конкретного языка. Для иллюстрации нашего тезиса возьмем в качестве примера английский глагол *begrudge*. Он обнаруживает лакуну в русском языке, где нет отдельного слова, способного целиком объективировать понятие, формирующее значение анализируемого глагола, описываемое английским толковым словарем следующим образом: “1) If you begrudge someone something, you feel angry, upset or jealous that they have got it; 2) If you don't begrudge something you don't mind giving it up” [15, р. 116]. Это обстоятельство, однако, не мешает переводить данный глагол в конкретном контексте. В предложении *His success is begrudged* он актуализирует смысл, формируемый концептом *jealous*, и, соответственно, все предложение может быть переведено на русский язык как *Его успеху завидуют*. А предложение *I don't begrudge the money I have lost*, актуализирующее концепт *upset*, без труда переводится на русский язык предложением *Мне не жаль потерянных денег*.

Второй важный фактор, позволяющий успешно решать проблему лакунарности как на этапе понимания, так и на этапе вербализации смыслов на языке перевода, связан с тем, что так называемые фоновые знания, которые, согласно концепции Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, обычно «прикреплялись» или «привязывались» к семантике того или иного слова так, что, как пишет А. Н. Крюков, «вся совокупность неязыковых знаний, циркулирующих в социуме, оказывается как бы поделенной по отдельным лек-

семам» [16, с. 30], на самом деле, как отмечают, в частности, сторонники деятельностного подхода к переводу А. Крюков, Н. Галеева и И. Клюканов, представляют собой независимые и отделяемые от языковых знаков ментальные комплексы — образы и представления, которые могут активно участвовать в ментальных операциях в процессе перевода [16; 17; 18]. Большую часть фоновых знаний составляет *физическая картина мира*, под которой мы понимаем сформировавшиеся у переводчика независимые от языка образы и представления о явлениях, сущностях и событиях окружающего мира, которые в процессе перевода активно взаимодействуют с языковыми картинами мира. Так, при восприятии переводчиком лексической единицы иностранного текста, которая выявляет лакуну в языке перевода, переводчик сталкивается с новым для себя и отсутствующим в его языковой картине мира смыслом: понять этот смысл на субъективном уровне, т. е. сформировать новое представление или сознательный образ, помогают знания физической картины мира, прежний опыт восприятия. Например, понять смысл английского слова *insight* в предложении *Doodles can be a useful insight into your character and personality* помимо определения толкового словаря (*If you gain an insight into a complex situation or problem, you gain an accurate and deep understanding of it* [15, p. 751]) помогают прежний опыт восприятия мира и владение механизмом метафоры. Мы можем мысленно представить образную схему, описывающую взгляд внутрь некоего физического пространства, а затем осуществить метафорический перенос из физической сферы в ментальную.

На этапе вербализации смысла знания о физической картине мира действуют в совокупности с другим важным фактором, обеспечивающим возможность преодоления лакун, а именно способностью сознания к рекомбинации смыслов в сформировавшейся в сознании структуре смыслов, в том числе к такому радикальному виду рекомбинации, как перестройка событийного фрейма [13, с. 193–196]. Перестройка событийного фрейма предполагает радикальное изменение семантических ролей и перспективы описания ситуации. Применение указанного вида рекомбинации позволяет, например, перевести английское предложение *The wig fell off his head, revealing his baldness*, содержащее глагол *reveal*, определяемый в словаре как *making people aware of something* [15, p. 1235] и выявляющий в русском языке лакуну номинации. Русский вариант указанного предложения может звучать как *Парик слетел с его головы, и все увидели, что он лысый*. При перестройке событийного фрейма на языке мышления в данном случае происходят, в частности, смена агенса и замена действия. Радикально перестроить событийный фрейм позволяют знания физической картины мира, а именно понимание того, что, если парик падает с головы, лысину видят все присутствующие при этом.

Наконец, четвертый, последний фактор, обеспечивающий возможность преодоления лакун, — это то, что мы называем потенциалом смысловыражения. Как писал В. фон Гумбольдт, «замечательной чертой языков является то, что, прежде всего, каждый из них обслуживает общие нужды повседневной жизни, но при этом... может бесконечно обогащаться. Не будет большим преувеличением сказать, что все, от самого возвышенного до самого глубокого... может быть выражено в любом языке, даже в языках примитивных народов, которые мы просто не очень хорошо знаем» [19, p. 56]. Потенциал смысловыражения реализуется в первую очередь благодаря тому, что один и тот же смысл может иметь несколько способов вербализации в одной языковой системе — посредством разных и разнопротяженных языковых единиц, в том числе общего контекста. Так, русский язык позволяет элиминировать лакуны, выявляемые отдельными английскими словами *privacy* и *private*, посредством словосочетаний или предложений. Напри-

мер, предложение *Use the phone in our bedroom, it's more private* может быть переведено на русский язык как *Позвони из нашей спальни, там тебя никто не побеспокоит*. При отсутствии в русском прилагательного, способного вербализовать смысл, актуализируемый в английском предложении прилагательным *private*, последний может быть обьективирован целой предикативной единицей.

Источники и литература

1. Степанов Ю. С. Французская стилистика. М., 1965. 355 с.
2. Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Культура и текст. Введение в лакунологию. М., 2010. 138 с.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., 1975. 239 с.
4. Муравьев В. Л. О языковых лакунах // Иностранные языки в школе. 1971. № 1. С. 31–40.
5. Жельвис В. И. К вопросу о характере русских и английских лакун // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977. С. 136–146.
6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М., 1999. 187 с.
7. Lakoff J., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 1980. 242 p.
8. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. М., 1983. Т. 2. 318 с.
9. Леонтьев А. А. Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963. 139 с.
10. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992. 217 с.
11. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003. 347 с.
12. Benjamin W. The Task of the Translator // *Theories of Translation*. Chicago, 1992. P. 71–82.
13. Минченков А. Г. Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности. СПб., 2007. 256 с.
14. Eco U. *Mouse or Rat. Translation as Negotiation*. London, 2003. 160 p.
15. Collins Cobuild *Advanced Learner's English Dictionary*. Glasgow, 2006. 1712 p.
16. Крюков А. Н. Методологические основы интерпретативной концепции перевода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Воен. ин-т. М., 1989. 42 с.
17. Галеева Н. Л. Основы деятельностной теории перевода. Тверь, 1997. 80 с.
18. Ключанов И. Э. Психолингвистические проблемы перевода. Калинин, 1989. 75 с.
19. Humboldt W. *The Introduction to the Translation of Agamemnon // Theories of Translation*. Chicago, 1992. P. 55–59.

Статья поступила в редакцию 25 января 2011 г.